

Н.П. Дворцова (Тюмень)

**В.В. КНЯЗЕВ И ЕГО «ДЕДЫ»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОН-КИХОТСКИХ МОТИВОВ**

Аннотация

Статья посвящена изучению поэтики В.В. Князева в контексте его биографии и прежде всего донкихотского мифа деда поэта К.Н. Высоцкого. Впервые исследуется трансформация донкихотских мотивов (разлад реальности и идеала; книги; жертвенное служение, смерть Дон Кихота и др.), структурирующих тему дедов в поэзии («Двуногие без перьев», 1914; «Красное Евангелие», 1918; «Последняя книга стихов», 1933) и прозе («Деды», 1934) В.В. Князева. Методология исследования является интегративной: мотивный анализ в его классической форме сочетается в работе с биографическим и историко-генетическим подходами. Выявлено, что тема дедов в ее художественном и биографическом аспектах стала одной из доминант творчества В.В. Князева 1900–1930-х гг., позволяющей ему парадоксальным образом сохранять верность «заветам минувшего» в условиях рождения и победы нового мира. Незавершенный роман «Деды» интерпретируется в статье в контексте донкихотского мифа К.Н. Высоцкого как семейный, польско-сибирский, автобиографический по характеру; дедовские «высокие заветы» становятся в произведении константой человеческого. Показано, что донкихотство объединяет героев В.В. Князева разных периодов творчества: от бедняка и дурака до коммунара, ссыльного князя, поэта – «Предтечи Христа, грядущего в огне». Как фигура трагическая и комическая одновременно Дон Кихот В.В. Князева предстает явлением многоликим: осмеянным в 1900–1910-е гг., победителем в 1918 г., побежденным в 1934 г., сохраняя при этом главное – жертвенное служение идеалам, в том числе идеалам книжным с их освобождающей и воскрешающей силой.

Ключевые слова

В.В. Князев; К.Н. Высоцкий; Дон Кихот; донкихотские мотивы; роман «Деды».

N.P. Dvortsova (Tyumen)

**V.V. KNYAZEV AND HIS “DEDY”:
TRANSFORMATION OF QUIXOTIC MOTIFS**

Abstract

The article presents an original research of V.V. Knyazev's poetry in the context of his biography and chiefly the quixotic myth of the poet's grandfather K.N. Vysotsky. The author explores transformation of the quixotic motifs (discord between the ideal and reality; books; sacrificial service, the death of Don Quixote, etc.) structuring the theme of grandfathers in V.V. Knyazev's poetry (“Dvunogiye bez per'yev”, 1914; “Krasnoye Yevangeliye”, 1918; “Poslednyaya kniga stikhov”, 1933) and prose (“Dedy”, 1934). The integrative research methodology combines a biographical approach with a historical-genetic and motif analysis in its classical form. It was found that the theme of grandfathers (Russian “dedy”) in its biographical and literary aspects is one of the dominant features of Knyazev's writings in the 1900–1930s making him paradoxically faithful to the “testaments of the past” during the birth and victory of the new world. The unfinished novel “Dedy” is interpreted in the context of K.N. Vysotsky's quixotic myth as family-related, Polish-Siberian, and autobiographical in nature; the ancestral “moral tenets” equate in the literary work to a human universal. It is shown that quixoticism unites V.V. Knyazev's characters in different literary periods: from the poor man and the fool to the communard, the prince in exile, the poet – “the Forerunner of Christ Coming in Fire”. As a simultaneously tragic and comic figure, V.V. Knyazev's Don Quixote is a multifaceted phenomenon: ridiculed in the 1900s–1910s, the winner in 1918, defeated in 1934, while maintaining the main thing – sacrificial service to ideals, including the literary ones with their liberating and resurrecting power.

Key words

V.V. Knyazev; K.N. Vysotsky; Don Quixote; quixotic motifs; novel “Dedy”.

К постановке проблемы

Роман В.В. Князева (1887–1937) «Деды» (часть первая) вышел в свет под псевдонимом Иван Седых в Ленинграде в 1934 г., незадолго до гибели автора, однако тема дедов возникла уже в начале его творчества и сопровождала его на протяжении всей жизни. Во многом это объясняется биографическими факторами и прежде всего ролью в жизни и судьбе Князева его деда – К.Н. Высоцкого (1836–1886), сына ссыльного поляка Н.М. Высоцкого и первого в уездном сибирском городе Тюмени фотографа, издателя-типографа, литографа, создателя первой городской газеты, родоначальника тюменской рекламы. Отец Князева Василий Иванович (1849–1894), состоятельный купец и книжник, дружил с Высоцким и женился на его дочери Марии Константиновне (1860–1892). После безвременной смерти родителей воспитание Князева взяла на себя его тетка

Людмила Константиновна (1862–1943?), продолжившая книжное дело К.Н. Высоцкого и сохранившая для будущего писателя память о дед. Закономерно, что в ряду многочисленных псевдонимов Князева, помимо Буревестника, Красного звоняра и т.п., есть псевдонимы Князев-Высоцкий, Высоцкий Н., В. Теткин и др. [Князев В.В.: биографическая справка].

Статья посвящена исследованию поэтики В.В. Князева в контексте его биографии, точнее, художественным и биографическим аспектам темы дедов, существующей в его творчестве в системе мотивов: К.Н. Высоцкий, ссыльный, Дон Кихот, книги, дурак, бедняк, коммунары, поэт – «Предтеча Христа, грядущего в огне» (смерть / бессмертие / воскресение). При этом исходным, ключевым и системообразующим мотивом в этом ряду является мотив Дон Кихота, что и определяет предмет нашего исследования. Методология исследования является интегративной: мотивный анализ в его классической форме [Гаспаров 1993] сочетается в статье с биографическим и историко-генетическим подходами. Это позволяет выявить трансформацию темы дедов и системы реализующих ее мотивов в творчестве В.В. Князева от 1900-х гг. к 1930-м гг. Материал исследования в работе – роман «Деды», а также поэтические сборники «Двуногие без перьев» (1914), «Последняя книга стихов» (1933) и «Красное Евангелие» (1918), где тема дедов и донкихотские мотивы творчества В.В. Князева представлены, с нашей точки зрения, наиболее полно.

Задача такого рода ставится и решается в науке впервые. Факт этот объясняется прежде всего тем, что творчество В.В. Князева в современной науке является недостаточно изученным, причем это касается преимущественно собственно художественной стороны и поэтики его произведений. Кроме того, интерес к нему исследователей нередко хронологически и географически, точнее, краеведчески (Тюмень, Санкт-Петербург) [Рогачев 1998; Дубенцов 2021] обусловлен. После современников судьба и творчество Князева привлекли особое внимание исследователей в 1990-е гг. [Кушлина 1992; Полонский 1994]. В 2000-е гг. академическая версия его биографии и творчества представлена в биобиблиографическом словаре ИРЛИ РАН «Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги» [Шошин 2005]. В истории русского донкихотства [Багно 2009; Айхенвальд 1982–1984] имя Князева отсутствует. Но для нас важное значение имеет один из выводов в работе Ю.А. Айхенвальда: подчеркивая чрезвычайную многоликость Дон Кихота, он пишет: «Судьба имени-притчи “Дон Кихот” на русской почве такова, что каждый может выбрать себе Дон Кихота по вкусу» [Айхенвальд 1982–1984, II, 410].

К.Н. Высоцкий: донкихотский миф

К.Н. Высоцкий, дед, и В.В. Князев, внук, никогда не видевшие друг друга в реальной жизни, в творчестве (жизнетворчестве) оказались в одном пространстве – пространстве донкихотского мифа. Об этом свидетельствуют как факты биографии, так и типологические связи донкихотских мотивов в их творчестве.

Миф о К.Н. Высоцком – Дон Кихоте создали современники первого тюменского фотографа и издателя Н.М. Чукмалдин и И.А. Калганов. У истоков мифа – творчество художника И.А. Калганова, рисовавшего Высоцкого в образе Дон Кихота. Примечателен тот факт, что портрет Высоцкого – Дон Кихота Калганов создает в цикле рисунков, иллюстрирующих поэму Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», изображая его в ряду странников-правдоискателей [Иллюстрация к поэме...]. Художник, в судьбе которого Высоцкий сыграл важнейшую, спасительную, роль, соединяет в его образе две связанных друг с другом идеи: русского искания правды и русского же донкихотства.

Купец-миллионер и писатель Н.М. Чукмалдин, вместе с которым Высоцкий в 1869 г. выпустил первую тюменскую печатную книгу «Устав Приказчичьего клуба в городе Тюмени», в мемуарных «Записках о моей жизни» (1902) создает многогранный портрет Высоцкого, видя в нем прежде всего «человека с благородной и возвышенной душой». С Высоцким Чукмалдина объединяла страсть к книгам и чтению, которые стали для них путем «к свету и воле». Книжник Высоцкий с его служением высоким идеям был для Чукмалдина «человеком-учителем», способным преображать жизнь вокруг. Вместе с тем в отношении современников к Высоцкому Чукмалдин увидел то, в связи с чем И.С. Тургенев в статье «Гамлет и Дон Кихот» (1860) писал о комической стороне Дон Кихота, имя которого, по его словам, «стало смешным прозвищем даже в устах русских мужиков» [Тургенев 1980, 334]. «Умер, немногими оплаканный, а большинством забытый и даже осмеянный» [Чукмалдин 1902, 157], – с горечью писал Чукмалдин, подчеркивая разлад между высокими идеями Высоцкого и реальностью, которая не может и не хочет их принять. В сущности, в мифе Чукмалдина о Высоцком как фигуре одновременно трагической и комической можно увидеть истоки мифа о Высоцком как Дон Кихоте Осмеянном. Именно такой образ Дон Кихота создаст В.В. Князев в 1900–1910-е гг.

Донкихотские мотивы в творчестве В.В. Князева 1900–1910-х гг.

В начале творчества Князева донкихотские мотивы целостно представлены в книге «Двуногие без перьев» (1914), где донкихотство показано как важнейший признак этих странных живых существ. Теме Дон Кихота непосредственно посвящены, помимо прочих, четыре стихотворения сборника, образующие своего рода цикл: «Дон Кихот», «Бедняк», «VOX POPULI» и «Трюх-трюх! несется Дон Кихот». Хронологически первым из них является, очевидно, стихотворение «Бедняк» (1907), открывающее важнейшую для Князева тему разлада высоких идей и реальности. Портрет бедняка создан сатирически: «Он весь свой век корпел, уткнувши нос свой длинный / В болото мудрости зело научных врак» [Князев 1914, 29]. История его жизни достойна сожаления: пыли, плесени, паутины архивов, в которых провел жизнь герой, противопоставлены любовь, муки, наслажденья живой жизни. Бесполезна, лишена смысла (этот Дон

Кихот не превращается в Алонсо Кихано Доброго) не только его жизнь, но и смерть: «Он умер и зарыт на грязеньком кладбище / Под черепом его живет теперь червяк» [Князев 1914, 30]. Отметим также, что рефрен «Вот как?», создающий диалогическую ситуацию в тексте и делающий его неоднозначным, заимствован Князевым в стихотворении Беранже «Новый фрак» в переводе В.С. Курочкина [Поэты «Сатирикона» 1966, 342].

Стихотворение «VOX POPULI», печатавшееся также под заглавием «Дурак» (1908), структурно повторяет «Бедняка»: в нем также 4 строфы; рефрен «Вот как? <...> Бедняк! бедняк!..» [Князев 1914, 29], превратившийся в «Вот как? <...> Дурак! дурак!» [Князев 1914, 76], тот же сюжет жизни и смерти героя. Вместе с тем донкихотские мотивы «Бедняка» подверглись здесь существенной смысловой трансформации: негативную характеристику получает здесь не главный герой, а vox populi (глас народа), присвоившего себе право на разоблачение и осмеяние героя. Пыль архивов превратилась здесь в «минувшего заветы», преданность которым помогает герою «страстно бичевать» «царящий в жизни мрак» и «разрушать <...> пером – твердыни самовластья». Кроме того, в стихотворении появилась тема высокого служения и самопожертвования (жертвы) во имя идеалов: герой «часто голодал и был гоним при этом», и «умер он в Обуховской больнице», больнице для бедных [Князев 1914, 76, 77]. Смерть героя воспринимается здесь как часть высокого и жертвенного служения тем, кто не перестает кричать ему: «Дурак! Дурак!». Герой, таким образом, предстает фигурой трагической и комической одновременно.

Мотив жертвенного служения высоким идеалам как проявление подлинной человечности – главный в стихотворении «Дон Кихот», развивающем и углубляющем идеи «Дурака» и представляющем классический князевский образ Дон Кихота Осмеянного. О Дон Кихоте здесь сказано: «На бой в борьбу со злом, с насильем – наипаче / Сутуло сгорбившись, под хохот, вой и свист / Плетется – трюх-трюх-трюх – на водовозной кляче / Мечтатель-альтруист. / Его оружие – высокие заветы, / Прошедшие до нас немую даль веков, – / Но <...> заглушают их базарные куплеты / И хохот дураков» [Князев 1914, 17].

В пословицах и поговорках, собранных Князевым и его дедами, слово «дурак» амбивалентно по смыслу: «Дай дураку простор – наплачешься. – Ни мертвого насмешить, ни дурака научить. – Дураков бьют. – Мертвому вечная память, дураку со святыми упокой. – Дуракам счастье. – Дурак спит, а счастье у него в головах сидит. – Дурак – божий человек» [Князев 1998, 239–240]. Но если Дон Кихот у Князева, действительно, – фигура амбивалентная, то те, кого автор называет дураками – победителями жизни, превратились в однозначное зло. Рефреном стал здесь стих о Дон Кихоте: «Но <...> вслед ему звучит стогласое и злое: “Дурак! Дурак!”» [Князев 1914, 17]. Поэт создает образ мира, в котором торжествуют зло и смерть, а высокие идеи жертвенного служения осмеяны: «Трюх – трюх! Несется Дон Кихот / В поход на кляче... / Народ – хохочет во весь рот, / А мы – тем паче! / <...> Ужасен, гневен и велик / Лик Дон Кихота! / <...> А в отдалении воют псы / И – гложут трупы!» [Князев 1914, 88].

В ряду донкихотских мотивов в сборнике «Двуногие без перьев» также следует назвать мотив книг (Дон Кихот – рыцарь книги), своего рода вариант мотива высоких заветов и антитеза «болоту мудрости». Так, в стихотворении «Озимь» мотив книг связан с символикой зерна и огня, жизни после смерти, воскресения / воскресения: «Есть дивные книги. Полны, как кошницы, / Живым и душистым зерном, / Они воскрешают надежд вереницы / И грудь наполняют огнем» [Князев 1914, 102]. В стихотворении «Колокольный звон» книги – знак свободы и освобождения от рабства: «Кто не хочет быть рабом – / Упирайся в книги лбом» [Князев 1914, 188].

Итак, в сборнике «Двуногие без перьев» возникают три варианта (Бедняк, Дурак, Дон Кихот) образа Дон Кихота Осмеянного, фигуры одновременно трагической и комической. В системе донкихотских мотивов – мотивы разлада реальности и высоких идей, жертвенного служения высоким заветам прошлого (борьбы со злом), жертвенной смерти, воскрешающей и освобождающей силы книг. Все эти литературные мотивы так или иначе совпадают с пространством смыслов, характеризующих жизнь и творчество (жизнетворчество) К.Н. Высоцкого, деда поэта.

«Великий восемнадцатый год»: рождение Дон Кихота

В творчестве Князева первых послеоктябрьских лет (1918–1919) донкихотские мотивы самым тесным образом связаны с важнейшим сюжетом лирики этих лет – сюжетом преобразования (метаморфозы) поэта, из «лакея у господ» (из стихотворения «Поэт» в сборнике «Двуногие без перьев») становящегося поэтом-коммунаром, Красным звонарем и «в великом восемнадцатом году» – «Предтечей Христа, грядущего в огне». Биографический контекст этой метаморфозы – начало работы Князева в «Красной газете» В. Володарского и создание им «Красного Евангелия» (1918).

С нашей точки зрения, история преобразования поэта у Князева есть не что иное, как вариант сюжета рождения Дон Кихота. В романе Сервантеса это сюжет превращения бедного идалго Алонсо Кихано с его фамильным копьём и древним щитом в Дон Кихота Ламанчского. Преобразование поэта напрямую связано с трансформацией созданного им образа мира: в мире зла, смерти и осмеянных идеалов (1900–1910) вновь оживают и торжествуют высокие идеи жертвенного служения («крестного подвига»), воскресения и бессмертия. «В великом восемнадцатом году» Князев, как и А.А. Блок в поэме «Двенадцать» (1918), (выскажем такую гипотезу), обращается к евангельскому сюжету и образу Иисуса Христа. При этом для Князева очевидно (не раз отмеченное в литературе [Унамуно 2002]) родство Дон Кихота и Христа.

В завершённой форме сюжет преобразования поэта представлен в «Последней книге стихов» (1933) в разделе «Вместо предисловия», состоящем из пяти стихотворений. В первом из них «В ответ на травлю» – своего рода предыстория сюжета: «Пока для бар звучал мой стих / Я был – “талантливым поэтом” / Теперь же, судя по газетам, / Мой стих ...увы! – слинял и стих» [Князев 1933, 7]. Само же преобразование поэта («Я ушел навек

к народу – / Победить иль умереть»; «Буду петь народу песни – / До конца» [Князев 1933, 8, 11]) свершается благодаря смысловой трансформации донкихотских мотивов 1900–1910-х гг. и прежде всего мотива свободного («Являсь к коммунарм в газету, / Я вольным пононе остаться сумел» [Князев 1933, 10]) и жертвенного служения идеалам: «Мы – сыны иных полей: / Нам борьба всего дороже, / Идеал – всего милей. / На распяты мы приносим / Огнекрылые сердца / И наград себе не просим / За колючий терн венца» [Князев 1933, 13].

Важнейшим героем творчества Князева в этот период становится коммунар, в образе которого отчетливо различимы донкихотские черты и который позволяет ему объединить в едином смысловом пространстве историческое прошлое (Парижскую коммуну 1871 г., тему дедов) и настоящее (коммунаров Петрограда 1918 г.). В стихотворении «Ты веришь поэту?» Князев вновь пишет о верности «высоким заветам» дедов и создает метафорический образ К.Н. Высоцкого – коммунара: «Судьбою дарован мне песельный дар – / Ждала меня слава и деньги у бар, / Но дедову верен завету / (Он был коммунарм – Высоцкий, мой дед), / И славу, и деньги отринул поэт <...> / Товарищ, ты веришь поэту?» [Князев 1933, 9]. Коммунарм, их «крестному подвигу» и бессмертию (смерть – важнейший момент в истории Дон Кихота) посвящены самые известные стихи Князева революционных лет: «Песня коммуны», 1918; «Сын коммунара», 1919; «Бессмертное», 1919 и др. Свободное и жертвенное служение – так Князев определяет и собственную жизнь в этот период: «Не зовусь я коммунарм, / Принося вам песни в дар. / Принимайте так поэта, вверив вышку звонарю. / Без партийного билета / Вашим пламенем горю. / Но когда врагом заклятым / Будет залит наш пожар / Я бок-о-бок стану с братом / Бей! Я тоже коммунар!» [Последняя книга... 1933, 12].

Рождение нового мира для Князева напрямую связано с книгами. Книгой нового мира становится для него «Красное Евангелие» с его вестью о «Втором Царстве – на Земле». «Красное Евангелие» – это экстатические картины Апокалипсиса и смутно прозреваемого Апокатастасиса: «Это голод, отчаянье, мор и война / Чертят в небе свои письмена <...> Два мира борются смертельно <...> И пусть прольются крови реки, – / Они потопят старый мир» [Князев 1918, 18, 20, 57]. У поэта в этой картине гибели-рождения особая роль: «Я не Христос, а лишь Предтеча / Христа, грядущего в огне. / Крещу – огнем свободной песни» [Князев 1918, 36]. Его призыв обращен к каждому: «Очисти душу и – воскресни / Во имя Красного Христа» [Князев 1918, 36].

«Красное Евангелие» Князев создает в форме папирусного свитка, а не бумажной книги. Сам этот факт – не просто художественный прием, знак осведомленности поэта в истории книги, но и свидетельство особого отношения к прошлому в эпоху гибели старого мира, когда смерти противостоит бессмертие, воскресение и жизнь будущего века. При этом бессмертие Князев понимает прежде всего как бессмертие дедов, единство внуков и дедов: «Не нам дрожать над черной бездной / Воскреснет всяк, кто был убит – / Наш гордый шаг, наш шаг железный / В веках грядущих

прогремит. / И внук, ловя громов раскаты / И видя молний письма / Помянет, трепетом объятый / Бессмертных дедов имена!» [Князев 1918, 52]. Очевидно, что в художественном мире Князева в ряду бессмертных дедов рядом с поэтом стоят К.Н. Высоцкий, Дон Кихот и Христос.

Роман «Деды»: Дон Кихот побежденный

В романе «Деды» экстатический стих Князева первых лет революции сменяется реалистической прозой. В предисловии к роману критик и литературовед-марксист Г. Горбачев [Любимова, Розина] пишет: «... первая часть произведения Ивана Седых представляет не только художественную, но и историческую ценность как правдивый показ наиболее темных сторон капиталистически-крепостнического прошлого нашей страны» [Горбачев 1934, 8]. Г. Горбачев ставит произведение Князева в один ряд с романами Мамина-Сибиряка и подчеркивает, что «множество <...> ярких фигур ушедшей “обжирившейся и опивавшейся” России встает перед нами на страницах “Дедов”» [Горбачев 1934, 7].

В системе персонажей романа особую функцию выполняет князь Болеслав Казимирович Лещинский, ссыльный поляк, благодаря истории которого в произведении возникает семейный, польско-сибирский, автобиографический по характеру миф Князева о его дедах. Г. Горбачев, к сожалению, не отметил этот важнейший для романа сюжет, связанный с жизнью польских ссыльных в Сибири и на Урале.

Появление в творчестве Князева романа о дедах есть, очевидно, результат смещения его зрения с глобального – «Второго Царства – на Земле», к локальному, частному – к Сибири и Уралу, к истории своей семьи, собственному детству (один из героев романа – «вихрастый гимназистик» Егорушка Лаптев, внук князя Лещинского). В романе об отношении к дедам и отцам как к абсолютному нравственному камертону на местном диалекте сказано: «отцовщина и дедовщина <...> – обык, а обык – крепче и во много по нашим местам раз святее закона!» [Седых 1998, 101].

Роман «Деды» при всем его автобиографизме не является документальным, в истории князя Лещинского тесно переплелись реальность и вымысел. Сюжет Лещинского, «офицера повстанца, скрученного и выданного русским властям собственными своими крестьянами, <...> лишенного княжеского достоинства и всего своего громадного состояния» и сосланного «в маленький, захудаленький западносибирский городишко Кандалинск» [Седых 1998, 104] не совпадает с историей жизни Н.М. Высоцкого, его детей и внуков [Желтова 2020], но вместе с тем имеет к ним прямое отношение.

В Кандалинске Лещинский жил в «маленькой, полуслепенькой, покосившейся набок полуизбушке-полуземлянке», так что в «босом, в латаной рубахе без пояса и таких же латаных холщовых портках, бледном, взлохмаченном, обросшем волосами и бородой» человеку трудно было узнать блестящего князя Лещинского, говорившего «по-французски, как парижанин, и по-английски, как уроженец Лондона». При этом, как пи-

шет Князев, «живой жизни» Лещинский предпочитал «книги и музыку» [Седых 1998, 105]. В сущности, в образе Лещинского Князев возвращается к типу героев, трагических и комических одновременно, которых в 1900–1910-е гг. он называл бедняками, дураками и Дон Кихотами. Если ссыльный князь Лещинский – Дон Кихот, то он (по крайней мере в первой части романа) – Дон Кихот проигравший, побежденный, хотя и не сломленный.

Важным представляется тот факт, что в образе княгини Марии Сигизмундовны Князев создает героиню, являющуюся, по его словам, противоположностью Лещинскому, в отличие от которого она не прячется от жизни, а, наоборот, «с головой окунается в нее». В Кандалинске княгиня «перезнакомилась – с каждым по отдельности – со всеми членами польской колонии. Она перебивала – у каждой по отдельности – у всех польских женщин. Перецеловала всех ребятешек. Перетормошила их. Осыпала щедрыми подарками» [Седых 1998, 105, 106]. Она начала в городе постройку костела и сумела изменить к лучшему жизнь всей польской кандалинской колонии, влачившей до нее «жалкое полуголодное существование» [Седых 1998, 104]. Более того, войдя в круг местных богатых купцов и промышленников, Мария Сигизмундовна помогла князю стать одним из них.

Нельзя исключать того, что в образе княгини Лещинской с ее деятельной и благородной натурой, с ее способностью менять жизнь к лучшему нашли отражение воспоминания Князева о матери Марии Константиновне, о жизни тетки Людмилы Константиновны. Но очевидным представляется тот факт, что в 1930-е гг. Князев вновь, как и в начале своего творчества, стоял перед проблемой разлада реальности и высоких идей времени. Вторая часть «Дедов» осталась ненаписанной: идеи победили жизнь.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что тема дедов в ее художественном и биографическом аспектах является одной из доминант творчества Князева 1900–1930-х гг. Дедовские «высокие заветы», прошедшие сквозь «немую даль веков», оказываются для поэта константой человеческого в эпоху рождения и торжества идеи «Второго Царства – на Земле». Константой человеческого, с нашей точки зрения, становится для Князева – благодаря своей чрезвычайной многоликости – образ Дон Кихота, черты которого узнаются в таких разных его героях, как бедняк, дурак, коммунар, ссыльный князь, поэт – «Предтеча Христа, грядущего в огне». Каким бы ни представал у Князева Дон Кихот: осмеянным (1900–1910), победителем (1918) или побежденным (1934) – сутью донкихотства остается высокое жертвенное служение идеалам, в том числе идеалам, возникшим благодаря книгам с их освобождающей и воскрешающей силой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю.А. Дон Кихот на русской почве. Ч. 1–2. Нью-Йорк: Chalidze Publ., 1982–1984.
2. Багно В.Е. «Дон Кихот» в России и русское донкихотство. СПб.: Наука, 2009. 228 с.
3. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993. 304 с.
4. Горбачев Г. Предисловие // Седых И. Деда. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1934. С. 5–8.
5. Дубенцов Б.Б. Эпизод из биографии В.В. Князева: Расставание с РКП(б) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3. С. 210–219.
6. Желтова О.В. Невольный сибиряк. Высоцкий Николай Матвеевич и его потомки. Н. Новгород: Дятловы горы, 2020. 84 с.
7. Иллюстрация к поэме Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» № 1: [графический рисунок]. URL: https://library.utmn.ru/dl/Rare_book/Vysotsky/photo/Пуустr.k_роеме_Nekrasova1.pdf (дата обращения: 10.09.2023).
8. Князев В.В.: биографическая справка. URL: http://az.lib.ru/k/knjazew_w_w/text_1931_bio.shtml (дата обращения: 14.09.2023).
9. Князев В.В. Двунюгие без перьев. Сатира и юмор. Библиотека «Сатирикона». СПб.: М.Г. Корнфельд, 1914. 238 с.
10. Князев В.В. Красное Евангелие. Свиток первый: А – АЧ. 2-е изд. Петроград: Издание Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, 1918. 58 с.
11. Князев В.В. Последняя книга стихов: (1918–1930). Избранное. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933. 162 с.
12. Князев В.В. Русь. Сборник избранных пословиц, присловков, поговорок и прибауток // Князев В.В., Плотников М.П. Русь: Избранное. Тюмень: СофтДизайн, 1998. С. 202–314.
13. Кушлина О.Б. Князев // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. С. 570–572.
14. Любимова М.Ю., Розина А.Я. Горбачев Георгий Ефимович // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь. URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=806 (дата обращения: 09.06.2024).
15. Полонский Л.В. Как погиб Василий Князев // Распятые / сост. З. Дичаров. Вып. II: Могилы без крестов. СПб.: Всемирное слово, 1994. С. 134–142.
16. Поэты «Сатирикона» / предисл. Г.Е. Рыклина; вступ. ст., биогр. справки, подготовка текста и примеч. Л.А. Евстигнеевой. М.; Л.: Советский писатель, 1966. 364 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
17. Рогачев В.А. Красная речь Василия Князева // Князев В.В., Плотников М.П. Русь. Избранное. Тюмень: СофтДизайн, 1998. С. 4–18.
18. Седых И. Деда // Князев В.В., Плотников М.П. Русь. Избранное. Тюмень: СофтДизайн, 1998. С. 83–200.
19. Тургенев И.С. Гамлет и Дон Кихот // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1980. С. 330–348.
20. Унамуно Мигель де. Житие Дон Кихота и Санчо. СПб.: Наука, 2002. 396 с.

21. Чукумалдин Н.М. Записки о моей жизни / ред. С.Ф. Шарапов. М.: Типо-лит. А.В. Васильева и К°, 1902. 192 с.

22. Шошин В.А. Князев Василий Васильевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3 т. / под ред. Н.Н. Скатова. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 217–219.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Dubentsov B.B. Epizod iz biografii V.V. Knyazeva: Rasstavaniye s RKP(b) [An Episode from V.V. Rnyazev's Biography: Parting from RCP(b)]. *Peterburgskiy istoricheskii zhurnal*, 2021, no. 3, pp. 210–219. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Gorbachev G. Predisloviye [Preface]. Sedykh I. *Dedy* [The Grandfathers]. Leningrad, Izdatel'stvo pisateley v Leningrade Publ., 1934, pp. 5–8. (In Russian).

3. Kushlina O.B. Knyazev [Knyazev]. *Russkiye pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1992, pp. 570–572. (In Russian).

4. Polonskiy L.V. Kak pogib Vasiliy Knyazev [How Vasiliy Knyazev Perished]. Dicharov Z. (comp.). *Raspyatyie*. [The Crucified]. Issue II: *Mogily bez krestov* [Graves without Crosses]. St. Petersburg, Vsemirnoye slovo Publ., 1994, pp. 134–142. (In Russian).

5. Rogachev V.A. Krasnaya rech' Vasiliya Knyazeva [The Red Speech of Vasily Knyazev]. Knyazev V.V., Plotnikov M.P. *Rus' Izbrannoye* [Ancient Rus. Selected Works]. Tyumen, SoftDizayn Publ., 1998, pp. 4–18. (In Russian).

6. Shoshin V.A. Knyazev Vasiliy Vasil'yevich [Knyazev Vasily Vasilievich]. Skatov N.N. (ed.). *Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, drama-turgi: biobibliograficheskiy slovar'* [The Russian Literature of the 20th Century. Prose Writers, Poets, Playwrights: Biobibliographic Dictionary]: in 3 vols. Vol. 2. Moscow, OLMA-PRESS Invest Publ., 2005, pp. 217–219. (In Russian).

(Monographs)

7. Aykhenval'd Yu.A. *Don Kikhot na russkoy pochve* [Don Quixote on Russian Soil]. Part 1–2. New York, Chalidze Publ., 1982–1984. (In Russian).

8. Bagno V.E. “*Don Kikhot*” v Rossii i russkoye donkikhotstvo [“Don Quixote” in Russia and The Russian Quixoticism]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 228 p. (In Russian).

9. Gasparov B.M. *Literaturnyye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature XX veka* [Literary Leitmotifs. Essays on the Russian Literature of the 20th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 304 p. (In Russian).

10. Zheltova O.V. *Nevol'nyy sibiryak* [The Unwilling Siberian]. Nizhny Novgorod, Dyatlovy Gory Publ., 2020. 84 p. (In Russian).

(Electronic Resources)

11. Lyubimova M.Yu., Rozina A.Ya. Gorbachev Georgiy Efimovich [Gorbachev Georgiy Efimovich]. *Sotrudniki RNB – deyateli nauki i kul'tury. Biograficheskiy slovar'*. [Employees of the National Library of Russia – Scientific and Cultural Public Figures. Biographical Dictionary]. Available at: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=806 (accessed: 09.06.2024). (In Russian).

Дворцова Наталья Петровна,

Тюменский государственный университет.

Доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры философии, медиа и журналистики. Научные интересы: русская литература XX в.; книжная культура XVIII–XXI вв.

E-mail: n.p.dvorcova@utmn.ru

ORCID ID: 0000-0001-5586-0575

Natal'ya P. Dvortsova,

Tyumen State University.

Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Philosophy, Media and Journalism. Research interests: Russian literature of the 20th century; book culture of the 18–21st centuries.

E-mail: n.p.dvorcova@utmn.ru

ORCID ID: 0000-0001-5586-0575